

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ

В.Т.Рязанов

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП В ЭКОНОМИКЕ

Экономика и модель человека

Экономические школы в своих методологических основаниях — явно или неявно — используют определенные представления о человеке, его природе и особенностях поведения. Вполне понятно, что описание главных характеристик, раскрывающих природу человека, не является непосредственной задачей в исследованиях экономистов, но ни одна теория не может избежать выбора своей модели человека, на основе которой разрабатывается логика экономического анализа. При этом те из них, которые ориентированы на использование сугубо экономического подхода и создание «чистой» теории, — это прежде всего классическое и неоклассическое направления экономической мысли, — выбирают в качестве предпосылки и единицы анализа абстрактного индивида — так называемого «экономического человека». Такая абстрактная модель человека нужна для создания аксиоматически идеальной и очищенной от всех внешних влияний экономической теории. Будучи абстракцией, она по мере укоренения капиталистически-рыночных отношений постепенно трансформируется из теоретической предпосылки в функциональное качество хозяйственного поведения индивидов, сводимого лишь к достижению экономической рациональности.

Более того, растущие амбиции экономической науки все чаще находят свое проявление в стремлении распространить ее аппаратно-аналитические возможности на все новые области, лежащие вне хозяйственной деятельности человека, и тем самым дать

Виктор Тимофеевич РЯЗАНОВ — д-р экон. наук, профессор, заведующий кафедрой экономической теории СПбГУ. Окончил экономический факультет ЛГУ (1972) и аспирантуру (1978). С 1968 г. работает в ЛГУ, с 1972 — преподает на экономическом факультете. В 1989–1994 гг. — декан факультета, с 1995 г. — зав. кафедрой. Автор более 140 научных работ, в том числе 11 монографий (4 индивидуальных и 7 коллективных: руководитель авторских коллективов, автор, соавтор). Монография «Экономическое развитие России. Реформы и российское хозяйство в XIX–XX вв.» (СПб., 1998) издана при финансовой поддержке РГНФ. Научные интересы — теория экономического развития России, макроэкономические и институциональные проблемы переходной экономики. Избран действительным членом Академии гуманитарных наук и РАЕН. Заслуженный работник высшей школы РФ.

свое заключение о природе человека и об общих мотивах принятия им решений. Самым наглядным примером в этом случае выступает попытка представителей школы «экономического империализма» (Г. Беккер и др.) дать описание закономерностей поведения людей в неэкономических сферах в контексте рациональности и максимизации полезности применительно к семейным отношениям, преступности, образованию и т.д., развивая в этих целях идею неограниченной универсальности аппарата неоклассического анализа.¹ Или в качестве другого примера можно привести разработку Л. Мизесом версии экономической науки как общей теории человеческой деятельности.²

То, что человек и особенности его поведения играют весьма значительную роль в экономико-теоретических построениях, подтверждается и тем, что нередко само определение предмета экономической науки указывает на важность такой связи. В известной трактовке предмета экономической теории Л. Роббинс определял ее как науку, «изучающую человеческое поведение с точки зрения соответствия между целями и ограниченными ресурсами, которые могут иметь различное употребление».³

Таким образом, выбор определенной модели человека в экономической теории можно рассматривать в качестве важной методологической предпосылки, от обоснованности которой во многом зависит достоверность ее содержательных выводов и рекомендаций. Ведь верификация любой экономической теории на предмет соответствия исходных предпосылок реальным условиям общественно-хозяйственной жизни предполагает достаточно точное соотнесение используемой теоретической конструкции человека и его поведения с реально существующей поведенческой практикой.

В этом случае обоснование модели человека не может быть ограничено узкоэкономическим подходом, опирающимся на принцип рациональности, оно должно учитывать влияние морально-ценностных норм, а потому анализировать соотношение экономики и этики. Интерес к «человеческому фактору» в экономике на современном этапе повышается в связи с нарастанием постиндустриальной тенденции. «Переход от машины, перерабатывающей энергию, к машине, перерабатывающей информацию, — пишет П. Козловски, — заменяет энергию и материю знанием». Развертывание интеллектуализации труда усиливает роль неэкономических факторов в организации производства, и хозяйственная этика выступает как «способ вернуть духовность в наше представление о хозяйстве. Она помогает экономической науке сильнее опереться на понятие осознанной деятельности».⁴

В качестве еще одной важной причины создания хозяйственной этики (или этической экономии) выдвигается также необходимость переосмысления нормативной основы теоретической экономии как этически выраженной ориентации в политэкономическом мышлении.⁵ Стоит обратить внимание на то, что современные этико-экономические взгляды, которые развиваются в соответствии с немецкой и англосаксонской версиями (этическая экономия и этика бизнеса соответственно), достаточно близки по критике экономизма и теоретическим обобщениям русской научной школе «философии хозяйства», которая разрабатывалась С.Н. Булгаковым в начале XX в.

В этой связи нельзя не коснуться исходной модели человека, которая лежит в основании современной неоклассической экономической теории, поскольку уже в ней заложены характеристики, достоверность которых вызывает большие сомнения, что не может не влиять на оценку выдвигаемых научных гипотез и выводов.

Следует особо подчеркнуть, что для неоклассической экономической традиции в целом характерно преобладание механистического подхода, рассматривающего сущ-

ность человека как нечто неизменное, ограниченное и подчиненное только общим законам природы, которые к тому же довольно произвольно трактуются. В основе такого подхода лежит преимущественно бихевиористская трактовка поведения человека, при котором оно по существу сводится к простой реакции в виде врожденных либо приобретенных инстинктов на возникающие внешние стимулы и ограничения. Фактически речь идет о биологизации общественно-экономической деятельности, при которой используемая теоретическая модель человека сводится к набору первичных (врожденных) человеческих инстинктов, в котором особое место занимают стремление к обмену и частному владению жизненными благами, склонность к конкуренции, властвованию, господству и т.п. Именно такие человеческие качества вносятся в экономическую теорию в качестве исходных. Отсюда, к примеру, закономерно, что неоллиберальные экономисты право частной собственности объявляют естественным (врожденным), соответствующим самой природе человека.

Еще одним важным следствием использования модели человека в неоклассической теории является сведение общества к простой сумме абстрактных индивидов, обладающих стандартным набором экономических свойств, что позволяет использовать принцип методологического индивидуализма в качестве исходного для последующего сооружения всего теоретического здания. Такой стандартный набор экономических свойств человека был уже разработан английским философом И. Бентамом (1748–1832) в рамках концепции утилитаризма, согласно которой действия людей сводятся к реализации «принципа пользы». В соответствии с данной концепцией поведение людей основывается на сугубо частном (эгоистическом) интересе, суть которого выражается в достижении двух важнейших целей — увеличении наслаждения и уменьшении страдания.

Причем в своей предельной форме реализация частного (эгоистического) интереса в условиях рыночной экономики трактуется в контексте способности рынка превращать «частные пороки в общественные выгоды». Поэтому рынок рассматривается в качестве лучшей инстанции, гарантирующей реализацию этических принципов хозяйствования на основе конкуренции. Если «рынок всегда прав», а это придает ему характеристику «общего блага» для всех, тогда, как справедливо отмечает П. Ульрих, нормативное преувеличение логики рынка превращает ее в «особый род ложной тотальности». ⁶ В этом случае нельзя не видеть внутреннюю конфликтность самой рыночной рациональности в поведенческой сфере. Она проявляется уже в том, что сама модель «экономического человека» в равной степени применяется к людям, которые стремятся жить в соответствии с рыночными принципами, и к людям, которые вынуждены это делать. При этом далеко не всегда первых больше, чем вторых.

Хотя модель человека, представленная в экономической теории, развивалась и обогащалась новыми характеристиками (в частности, введением понятия ограниченной рациональности или необходимостью учета оппортунистического поведения), тем не менее мотив собственного (частного) интереса остается базовым и в современной школе неоклассического анализа. Более того, считается, что именно его использование в качестве методологической предпосылки превращает саму экономическую науку в особую отрасль научного знания. Такой подход не мог не вызвать критической реакции, и в настоящее время в экономической науке предложены отличающиеся варианты модели человека, которые развиваются альтернативными научными школами. Не вдаваясь в детали, отметим, что в их конструировании общими моментами выступают стремление к большей реалистичности поведенческих моделей и поиск

объяснений в действиях людей не только с точки зрения наличия внешних ограничений и обстоятельств, но и в самом внутреннем мире человека.⁷

Необходимость учета этического фактора в экономической теории, пусть она и не разделяется ведущим неоклассическим научным направлением, не должна ограничиваться исследованием уже сложившихся поведенческих моделей. Вполне логичным и существенным представляется целесообразность обогащения такого этико-экономического анализа антропологическим подходом, который нацелен на выявление более глубоких исторических корней в изучении природы человека и его поведения. Антропологическая оценка современной экономики тем более важна в условиях сохранения многообразия поведенческих моделей не только между различными цивилизациями, но и разными группами населения внутри этноса. Это усложняет проведение процедуры эмпирической верификации используемых моделей человека в теоретических исследованиях. В этих условиях погружение в далекое прошлое (и даже в древность) интересно тем, что дает возможность выделить «первичные» поведенческие характеристики (их можно даже обозначить как «подлинные»), с которых началась человеческая история. Ведь полезно не только знать те или иные реальные черты и признаки современного хозяйственного поведения людей, но и понять то, как они возникли и что им предшествовало.

При этом можно считать, что обнаружение таких первичных проявлений поведения людей дополняет чисто эмпирический подход в оценке реалистичности моделей человека нормативно-ценностными характеристиками. Это означает, что в легитимации сложившихся и ранее существовавших систем хозяйствования важно использовать не только экономические критерии, но и социальные, внедряя в экономический анализ такие этические категории, как «справедливость», «нравственность», «добро» и т.п.

Отметим, что уже в XIX в. складывается особая отрасль научного знания — *антропология* как наука о происхождении человека, его морфологии, расовой систематике, человеческих качеств, территориальном расселении и т.д. Ей удалось добиться весьма впечатляющих научных результатов, особенно касающихся объяснения происхождения человека и формирования его социально-экономических качеств. Однако эти результаты, во многом переворачивающие традиционные представления о человеке и человеческих сообществах, оказались вне сферы интереса экономистов, что не может не обеднить их теоретические разработки и практические рекомендации. Слишком сильна в экономической науке, особенно ее неоклассической школе, инерция сохранения в неизменности сложившихся методологических предпосылок.

Прежде чем обратиться к полученным новым результатам антропологических исследований, рассмотрим, хотя бы вкратце, в чем особенность и возможности этого метода в экономике.

Особенности антропологического метода

Как уже отмечалось, антропология как наука начинает формироваться в середине XIX в., будучи тесно связанной с многочисленными научными дисциплинами естественно-научного и социального плана, изучающими и самые разные аспекты происхождения и природы человека. К ним можно отнести палеонтологию, психофизиологию, археологию, этнографию, палеосоциологию и т.д. Имея корни в давно сложившихся и самых разнообразных науках, она тем не менее в своем современном виде остается одной из самых молодых гуманитарных наук. У ее истоков стояло множество авторитетных ученых, к числу которых следует отнести Л. Моргана, Ч. Дарвина,

Ф. Энгельса, Т. Гексли и др. Активным ее адептом в России был Н.Г. Чернышевский. (Его основное философское произведение так и называлось — «Антропологический принцип в философии» — 1860 г.)

На начальном этапе антропология основное внимание уделяла изучению происхождения человека и его морфологии как биологического вида *Homo sapiens*. Еще одним важным стимулом ее появления стало то, что она изначально возникла как идеологическое отображение растущей экспансии Запада. Превратив страны с иной культурой в свои колонии, страны-метрополии встали перед проблемой их изучения, чтобы эффективнее ими управлять и манипулировать. Однако затем роль антропологии изменилась. Она стала наукой, изучающей само многообразие социального мира.

Подлинный расцвет эта наука приобретает в XX в., когда многие ее представители обратились к изучению более сложных и масштабных научных проблем, нацеленному на выявление механизма формирования социальных качеств человека в процессе социогенеза. Именно с разворачиванием данного научного направления в единстве всех его на сегодня разнообразных звеньев, включая экономическую антропологию, обосновывается его выдвижение в качестве ведущей гуманитарной силы, способной по-новому исследовать общество и экономику и выступить в качестве новой и по сути дела универсальной науки. Антропологию в широком контексте следует понимать как комплексную науку о человеке и человеческой жизни во всех ее проявлениях, основанную на неразрывности антропогенеза и социогенеза. В таком природно-социальном качестве она очень часто выдвигается в качестве *системы человековедения*.⁸

Причем универсализация антропологического знания опирается на иные основания, чем это закладывалось в экономической науке, чья претензия на универсальность хороша известна. Если неоклассическая экономическая школа свою познавательную-универсалистскую направленность пытается реализовать через последовательное разворачивание идеи рациональности в самых разных областях поведения человека, сводимой к максимизации доходов и прибыли, а также с усилением формализации знания, широко используя для этого математический аппарат, то антропология пошла по другому пути — ища опору в эмпирической проверке и перепроверке разных версий и вариантов, объясняющих социальные и экономические качества человека и человеческих сообществ. В этом случае эмпирическая верификация выдвигаемых гипотез увязывается с проведением непосредственных и длительных полевых исследований, объектом которых выступает изучение реально сохранившихся архаичных человеческих сообществ, разбросанных в разных уголках земного шара.⁹ *Участие в таких длительных и непосредственных погружениях в реальную жизнь людей, все еще живущих по законам ушедшего в прошлое мира, рассматривается как своеобразный аналог естественно-экспериментальной верификации научных знаний в гуманитарной области.*

Отсюда не случаен повышенный интерес в антропологии к вопросам преемственности современной цивилизации, ее истокам. С этой стороны антропология особое внимание обращает на изучение не остатков материальной культуры, письменных источников, ее интересуют, образно говоря, не «черепки» и «черепа» из далекого прошлого, а сохранившаяся на Земле архаика в отношениях между людьми и в других самых разнообразных человеческих проявлениях. Будучи «неиспорченной» современной цивилизацией, эта архаика может трактоваться как подлинная (истинная) природа человеческого мира. Изучение таких сохранившихся остатков человеческих сообществ и человеческих отношений, используя метод «включенного наблюдения», стало

самой яркой визитной карточкой антропологических исследований. Оно позволило сделать ряд уточнений и открытий, которые имеют самое непосредственное отношение к современной цивилизации, ее экономической составляющей и к их истокам. Ведь осмысление простейших форм общественно-хозяйственной жизни позволяет точнее раскрыть природу ее сложных форм.

Что же полезное для понимания современной хозяйственной жизни и для развития экономической методологии удалось выявить в ходе их изучения?

Антропологический принцип и развитие экономической методологии

Выделим несколько таких направлений использования результатов развития антропологического знания. *Первое* — новые оценки и факты, касающиеся собственно экономической жизни досовременных обществ. Даже в экономической истории до сих пор доминируют взгляды, согласно которым эта фаза в развитии цивилизации была примитивной, а человек находился в ситуации фактического вымирания, голода, лишений и т.п. Иначе говоря, экономика понималась как «экономика выживания», или, что точнее, «экономика медленного вымирания», которой присуще доминирование мотива голода как главного. Если бы это было так, то тогда нельзя не поражаться самому факту возникновения современной цивилизации на таком вымирающем пространстве и вообще сохранению человечества.

На самом же деле данная фаза в развитии человечества была в экономическом отношении достаточно благополучной, если ее проверять по результатам хозяйственной деятельности сохранившихся островков древности в современном мире. Данное эмпирическое обстоятельство позволило американскому антропологу М. Саллинзу определить такой период в истории человечества, как *общество первоначального изобилия*.¹⁰ Это определение не является абсолютно новым. Отметим, что еще ранее в марксистской традиции предлагалась оценка данного периода как фазы *первобытного коммунизма*, на которой действовал принцип уравнительного (коммунистического) распределения, обеспечивающий равенство потребления хотя и в условиях жесткого ограничения круга жизненных потребностей.

Что же касается антропологического объяснения, то в нем в большей степени преобладает оценка экономики древнего мира с позиции потребления. Это связано с тем, что можно выделить два возможных способа обеспечения изобилия: «Либо много производить, либо немного желать». Второй способ был присущ древнему миру, и он, конечно, противоречит современной (западной) экономической идеологии, которая исходит из безграничности человеческих потребностей и ограниченности способов их удовлетворения. Если же вспомнить о разного рода экспериментах, связанных с попытками введения коммунистического распределения в хозяйственную практику, то они проводились в условиях возникающих жестких ограничений в объеме производимых жизненных благ, но при этом сама необходимость в наращивании производства в соответствии с ростом потребностей людей не отвергалась. При этом отметим, что способ достижения изобилия за счет сдерживания потребностей хотя и относится к далекому прошлому, вместе с тем и в современном мире можно найти сообщества людей, отказывающихся от безудержной потребительской экспансии. В качестве примера сошлемся на последователей буддизма, для которых отказ от желаний равнозначен устранению причин страданий.

Что же было характерно для такой модели экономики «первоначального изобилия»? Выделим несколько таких примечательных моментов.¹¹

1. Прежде всего следует отметить особенности самого труда, который не отличался изнурительностью и даже регулярностью. Как вытекает из материалов многочисленных антропологических исследований (в данном случае на примере австралийских аборигенов), время на добычу и приготовление пищи в среднем составляло 4–5 часов в день с чередованием дня работы с днем полного отдыха.

2. При таком неизнурительном труде тем не менее рацион питания был вполне приемлем по уровню калорийности, что исключало возможность голода, не связанного с возникновением каких-либо стихийных бедствий и прочих природных катаклизмов. Поэтому голод — это уже порождение современной цивилизации, ее прямой результат.¹²

3. Если попытаться оценить эффективность труда охотников и собирателей, то оказывается, что она с точки зрения соотношения рабочего и нерабочего времени, работающих и неработающих сопоставима со значительно более поздним периодом в развитии уже современной цивилизации. Согласно подсчетам, относящимся к австралийским бушменам, охотничье-собирательский труд одного человека достаточен, чтобы дополнительно содержать четверых или пятерых людей. В качестве сопоставления приведем пример Франции, в которой перед Второй мировой войной 20% сельского населения страны кормило остальную часть населения.

Можно привести еще немало других фактов, которые позволяют совсем по-другому оценивать экономику досовременного общества и, значит, сделать определенную поправку на достижение прогресса современной цивилизацией. В качестве еще одной иллюстрации сошлемся на такой пример. Энергетическая основа земледелия в эпоху доиндустриального производства опиралась на превращение при помощи растений энергии солнца в пищу при минимальных затратах других видов энергии (прежде всего мускульной энергии человека и используемых рабочих животных). В индустриальном мире происходит ее фактическое замещение энергией ископаемого топлива, к тому же не возобновляемого. Это позволяет внедрить в сельское хозяйство современные технологии и технику, которые обеспечивают резкое увеличение выхода продукции, что дает формальное основание говорить о существенном росте урожайности и производительности труда. Однако при этом недооценивается немаловажный факт: оказывается, что в результате такого замещения энергии солнца энергией ископаемого топлива, к примеру, в США на получение одной пищевой калории затрачивается 10 калорий ископаемого топлива.¹³ Приведенный пример — конкретное свидетельство природно-расточительного характера современной цивилизации.

Второе направление влияния антропологического принципа в экономике связано с необходимостью коррекции ряда важных исходных *методологических оснований* экономической науки. И здесь в первую очередь следует обратить внимание на крупное открытие, которое было сделано антропологами. Как оказалось, для примитивных обществ не характерно доминирование индивидуалистической психологии и таких ее черт, как эгоизм, склонность к обмену, чувство частной собственности. Поэтому утверждение о существовании прирожденной «склонности человека к торгу и обмену» (А. Смит),¹⁴ а значит, и о рождении издревле «экономического человека», не соответствует реальной истории. В течение многих веков и даже тысячелетий эта склонность не была в значительных масштабах распространена по миру. Более того, человек по своей изначальной природе не был создан для экономических отношений. И только в XVIII–XIX вв. склонность к обмену возникает как приобретенное социальное качество человека, которое появилось в ходе утверждения капитализма в Западной Европе, и одновременно как его важнейший результат.

Как констатировал К. Поланьи, «все известные нам экономические системы, вплоть до эпохи заката феодализма в Западной Европе, строились на одном из перечисленных принципов — взаимности, перераспределения или домашнего хозяйства, — либо на определенном их сочетании. Эти принципы институционализировались с помощью социальной организации, использовавшей, среди прочего, модели симметрии, центричности и автаркии. В рамках этой структуры регулярный процесс производства и распределения обеспечивался через множество самых разнообразных индивидуальных мотивов, которые, в свою очередь, регламентировались общими нормами поведения».¹⁵ В этом случае перераспределительный механизм действовал на основе не экономических, а внеэкономических мотивов, а потому экономика была полностью погружена в систему социальных связей.

Сходную трактовку природы «экономики» архаичных обществ дает М. Салинз, который сделал по этому поводу такой вывод: «Как структурная единица “экономика” не существует. Экономика — это не самостоятельная специализированная организация, а скорее нечто такое, что целые социальные группы или сообщества, в первую очередь, родственные группы и сообщества, *делают*. Экономика — это скорее функция общества, нежели его структура ...».¹⁶

Таким образом, в дорыночный период экономика была полностью подчинена системе социальных связей, вписана в нее и обслуживала ее. В рыночный период, когда сформировался рынок как саморегулирующая система, экономика начинает главенствовать, переподчиняя себе систему социальных связей.¹⁷

Третье направление использования антропологического принципа в экономике может быть представлено в переосмыслении накопленного исторического хозяйственного опыта. Проведение «полевых исследований» позволило более точно представить сложную и неоднозначную картину зарождения и эволюции рыночных отношений.

В этом случае большой интерес вызывает изучение нерыночных отношений в обмене в форме *дара*, *дарения*, которое было проведено, в частности, известными антропологами М. Моссом и Б. Малиновским. Их исследования основывались на анализе этнографических описаний жизни аборигенов Океании, Австралии, Северной Америки, а также некоторых древних религиозно-правовых систем. На огромном этнографическом и историческом материале они показали, что до появления денег и рынка универсальным средством обмена выступает *дарение*, которое не является простой экономической сделкой. В то же самое время дарообмен в таких обществах не есть чисто альтруистический акт, так как он непременно предполагает компенсирующий взаимный дар, но в отличие от рядовой рыночной сделки оба эти акты отделены друг от друга.

«Все: пища, женщины, дети, имущество, талисманы, земля, труд, услуги, религиозные обязанности и ранги, — заключал Мосс, — составляет предмет передачи и возмещения».¹⁸ Причем в процессе дарообмена наиболее существенной становится обязанность возмещения полученного дара равноценным даром. Это означает, что такой обмен «опирается на строго соблюдаемые обязательства эквивалентного типа (“сколько взял — столько дал”), всегда точно запоминаемые и в длительной перспективе уравновешивающие друг друга».¹⁹

В свою очередь, Х. Шрадер в проведенном исследовании показывает преобладание «церемониальности» и «символичности» в простейших формах обмена. «Такой обмен был направлен не на приобретение потребительских товаров, а в основном на установление и сохранение мира и социального контакта между различными общностями».

ми». Сами же обмениваемые предметы имели скорее «символическую», нежели потребительную стоимость.²⁰

Б. Малиновский и М. Мосс наряду с Дж. Фрезером могут быть отнесены к числу родоначальников социально-антропологической версии обмена. Она выступает как альтернатива «индивидуалистической» утилитаристской концепции обмена и базируется на предположении о решающей роли социальных норм и институтов в его возникновении. Этим вносится дополнительный аргумент в пользу действия принципа «холизма» (коллективистской традиции) в экономическую науку в противовес принципу «методологического индивидуализма».

Одновременно социально-антропологический подход к обмену и собственности существенно отличается от материалистического их объяснения, которое разрабатывалось в марксизме. Как известно, Маркс и Энгельс, исходя из действия экономических факторов и прежде всего развития самого производства и общественного разделения труда, выводили возникновение товарного обмена и частной собственности. Так, Энгельс, завершая книгу «Происхождение семьи, частной собственности и государства», в качестве обобщения сформулировал вывод о том, что проникновение разделения труда в производственный процесс «подрывает коллективный характер производства и присвоения, оно делает преобладающим правилом присвоение отдельными лицами и вместе с тем порождает обмен между ними ...».²¹

Что же касается исторического процесса возникновения первичных форм частной собственности, то они появлялись не столько как результат углубления общественного разделения труда, сколько вследствие придания определенным вещам магических и сверхъестественных свойств, что делало их недоступными для всех, кроме владельца. В этом случае сама собственность выступает «равнодействующей обязанностей, привилегий и взаимных обязательств, которые связывают владельцев с предметом собственности и между собой».²² Здесь важно и практическое наблюдение антропологов, которые зафиксировали, что накопление богатства в древних сообществах автоматически приводило не к возникновению частной собственности, а к его чрезмерной растрате. Ведь «конечная цель приобретения богатства часто как раз и состоит в том, чтобы отдать его впоследствии».²³ Значит, само по себе появление излишка продукта еще не становится единственным условием зарождения частной собственности, а пуританский принцип бережливости, лежащий в основании раннего капитализма, далеко не универсален в ее укреплении. В архаических обществах, как отмечал Мосс, действует иной подход: «Тот, кому предстоит быть самым богатым, должен быть также самым безумным расточителем».²⁴

Следует принимать во внимание, что *реципрокность* как принцип распределения (бескорыстие, помощь, гостеприимство) доминировала в архаичных обществах и отражала его особый строй, основанный на неденежном и нерыночном хозяйстве. Понятие прибыли было возведено в принцип лишь с победой рационализма и меркантилизма. Архаические же общества стремятся не к материальной выгоде, а к удовольствию (потреблению).

Хотя рыночный механизм ломает зависимость экономики от социальных норм, но даже в докапиталистических обществах она полностью не исчезает, проявляясь в воздействии, порой достаточно жестком, религиозных норм на менталитет и экономическое поведение людей. Известно, что раннее христианство фактически табуировало ростовщичество (процент), а на современном этапе такой запрет сохраняется в исламе.

Или можно привести такой пример, связанный с влиянием традиций и обычаев на определение уровня цен. В уже сформировавшихся рыночных условиях цена высту-

пает не как цена равновесия спроса и предложения, а как «справедливая цена», которая устанавливается в соответствии с религиозными, этическими или какими-либо другими неэкономическими основаниями. Так, в истолковании средневекового богослова Фомы Аквинского, «справедливая цена» — это цена, которая определяет равенство пользы обмениваемых вещей. Иначе говоря, равенство потребительных стоимостей.

О сохранении значения социальных норм в докапиталистический период свидетельствует и другой характерный пример. В феодальном обществе разорившийся дворянин (аристократ) остается таковым. Но можно ли так сказать о разорившемся капиталисте (предпринимателе)?

Подчеркнем и такое немаловажное обстоятельство: дарообмен, будучи формой обмена в архаичных сообществах, тем не менее дожил и до современного рыночного общества. Достаточно вспомнить о такой живучей традиции, как проведение празднеств и преподнесение подарков по разным случаям. Но не только это. Это и сохраняющаяся традиция гостеприимства и бескорыстных отношений между людьми, благотворительность и оказание помощи в разной форме своим единоверцам, членам большой семьи, церковным организациям, которая прежде всего характерна для стран с восточной культурой (в частности, мусульманской, буддистской). И даже истоки использования такой экономической формы, как взаимное кредитование, также можно связать с исторически древней формой обмена в виде дарения. Как утверждал М. Мосс: «Именно из системы подарков, даваемых и получаемых взамен через какой-то срок, выросли, с одной стороны, непосредственный обмен (через упрощение, сближение ранее разделенных сроков), а с другой стороны, покупка и продажа (последняя — в рассрочку и на наличные), а также заем».²⁵

Следовательно, не все в экономике, не говоря уже о других сферах общества, абсолютно подчинено экономической рациональности и жестким принципам рыночной эффективности. Этим обуславливается сохранение анклавов нерыночных отношений, назначение которых — смягчать действие жестких правил рыночной конкуренции и обеспечивать реализацию социальных целей в развитии общества. Можно считать, что благодаря им рыночные отношения гуманизируются и приобретают такую форму, которая чаще всего обозначается как «цивилизованный рынок».

На примере сохранения нерыночных отношений можно наблюдать такое свойство, как способность *укоренившихся* отношений в экономической жизни воспроизводиться даже в условиях смены благоприятной среды на неблагоприятную в их действии. Даже при такой смене объективных условий они в дальнейшем не исчезают вообще, хотя их роль меняется, они эволюционируют, модифицируются, т.е. «уходят в тень» новых доминирующих отношений.

Четвертое направление влияния антропологических исследований на экономику указывает на важность отхода от одномерной и линейной картины развития экономики, показывая наличие в историческом прошлом человечества самых разнообразных и возможных вариантов ее развития. Этим преодолевается односторонность в научном анализе и в его сферу вовлекаются более разнообразные пути развития экономики — как реализованные, так и оставшиеся в далеком прошлом. Следует учитывать, что сегодня в мире насчитывается около 5 тыс. этносов и примерно 10 тыс. обществ со своими культурными и лингвистическими, хозяйственными и социально-политическими особенностями.²⁶ Отсюда важность изучения «этно-экономических» систем в мире.

В этой связи следует преодолеть и ограниченный подход к трактовке масштаба и роли нерыночных форм хозяйствования как признак неразвитости или запаздывания

в экономическом развитии. В действительности здесь более сложная проблема разнотипности моделей социально-хозяйственного устройства обществ. Нужно иметь в виду, что большая роль нерыночных форм хозяйствования не столько отражает неразвитость или запаздывание в развитии, сколько выступает признаком включенности и интегрированности экономики в более сложную систему социальных отношений. В этой связи отметим, что обособление экономики в жизни общества остается уникальным и до сих пор в полной мере не воспроизводимым примером именно западной модели цивилизации (прежде всего Европы и США), превратившей экономическую рациональность в доминирующую черту поведения индивидов и функционирования общественного организма. Даже Япония и страны НИС, добившиеся во второй половине XX в. замечательных экономических результатов, опирались в своем успехе в большей степени на другие основания.

Пятое направление влияния: антропологический принцип позволяет с позиции прошлого оценивать современные и будущие тенденции в экономическом развитии и в экономической теории. В этом случае необходимо иметь в виду, что не реализованный или поглощенный вариант развития, но присутствующий в реальной исторической практике может рассматриваться как возможный прототип будущего пути развития, не исключено, что и альтернативного. Тем более что, как показал исторический анализ, у него есть свои достоинства в сравнении с рыночной организацией хозяйства. Не случайно исследования многих антропологов (в частности, М. Мосса) подкрепляли их критическое отношение к современному капитализму.

Использование антропологического принципа в экономике важно еще и с такой позиции. Дело в том, что современная система зрелых и доминирующих рыночных отношений в странах Запада не смогла абсолютно поглотить все формы дорыночных, нерыночных и проторыночных отношений. Даже в этих странах они продолжают присутствовать, хотя и в измененном виде. Более того, есть достаточные основания говорить о том, что по своему действительному масштабу и значению такого рода остаточные (архаичные) экономические отношения занимают преобладающее место в реально функционирующей экономике. Достаточно сослаться на чрезвычайно значительную роль домашнего хозяйства в обеспечении жизнедеятельности семей и в функционировании современной рыночной экономики в целом, которая статистикой в силу используемой методики расчета ВВП просто не принимается во внимание. Если бы производство в домашнем хозяйстве учитывалось в расчете ВВП, то на его долю пришлось бы не менее 50% величины этого показателя.

Отсюда можно заключить, что современная экономика как экономика смешанного типа не должна ограничиваться традиционной характеристикой взаимодействия рынка и государства (т.е. рыночных и государственных методов управления, рыночного и государственного укладов хозяйства), но должна рассматриваться как сложное системное образование, включающее в себя в действительности рыночные и нерыночные формы и уклады хозяйства. Такое понимание смешанной экономики представляется более точным и теоретически более содержательным.

Так, на уровне мирового хозяйства речь идет о взаимодействии *центра*, представляющего собой наиболее развитую систему рыночных отношений, и *периферии*, а также *полупериферийных зон*, для которых характерно большее распространение (в каких-то случаях и доминирование) дорыночных и проторыночных отношений в экономике. При этом заметим, что для мирового хозяйства такое взаимодействие в значительной мере представляет собой существенную разнотипность, определившую в реальности

не только *конвергенцию* разных вариантов развития и на этой основе устранения колоссальных масштабов различий в уровнях социально-экономического развития стран, но и *дивергенцию* с соответствующими последствиями в виде дальнейшего углубления разрыва между богатыми и бедными странами.

Что же касается уровня национальных экономик, то проблема взаимодействия, согласования и в конечном счете интегрирования рыночных и нерыночных форм хозяйства в целостную систему также остается важной, особенно для стран, в которых еще не завершилось формирование эффективно работающей экономики. К таким странам должна быть отнесена и современная Россия, для которой традиционно соотношение рынка и нерынка всегда играло и сегодня играет более значимую роль в сравнении со странами Западной Европы.

Таким образом, данный подход к смешанной экономике выдвигает задачу по-новому рассматривать предмет экономической теории. Он должен не ограничиваться только системой рыночных отношений, а включать в себя все существующее в реальности более сложное общественно-экономическое образование смешанной экономики в виде взаимодействия рыночных и нерыночных подсистем хозяйства. Эффективное их взаимодействие и интеграция становятся важнейшим условием обеспечения целостности и устойчивости национальной модели экономики. Следует отметить, что современная экономическая теория, прежде всего ее доминирующая ныне неоклассическая ветвь, полностью игнорирует такой срез экономики. Между тем он остается важным на самых разных уровнях экономики.

Тем самым речь идет о необходимости своеобразной *антропологизации* экономико-теоретического знания, которое предполагает усиление интеграции двух важных ветвей в системе человековедения — экономической теории и экономической антропологии. Такая интеграция предполагает расширение предмета экономической теории за счет включения в него нерыночных форм хозяйствования и их взаимодействия с системой рыночных отношений. В свою очередь, экономическая антропология не должна ограничиваться изучением нерыночных экономик как проявлением архаики в экономике, но и распространять свой анализ на современную экономику, постепенно переходящую в фазу постиндустриального развития.²⁷ Такой синтез экономической теории с антропологическим знанием отражает общую тенденцию в системе общественнознания, связанную с повышенным вниманием к многообразным проявлениям человека в разных измерениях.

Если раньше экономическая наука искала образцы для подражания в тех представлениях о мире, которые формировались физикой и биологией, то в настоящее время все больше оснований говорить о необходимости развития ее в координатах «антропологической картины мира». Это означает, что экономическая наука, во-первых, должна больше внимания уделить многообразию моделей хозяйства и путей экономического развития. Во-вторых, ей предстоит перейти от анализа усредненных и массовых явлений в хозяйственной жизни к использованию «точечного подхода», обращая внимание не только на особенное и единичное, но и на разного рода проявления уникальности в экономике, рассматривая их не как отклонения, а как ее нормальное состояние. Реализовать такие направления развития экономического анализа можно в том случае, если действующим лицом в нем станет не рациональный индивид-максимизатор, а человек во всем многообразии его качеств и проявлений.

Расширение сферы действия антропологического принципа в экономике связано также со своим объяснением причин и путей выхода из углубляющегося кризиса

современной цивилизации. Обращение к его глубоким истокам раскрывает мотивы проведения «антропологической революции», которая мыслится как способ поддержания и развития нынешней цивилизации.

Об антропологической революции

Хотя в условиях современной либерально-капиталистической волны, прокатившейся по миру, критика капитализма оказалась приглушенной и уже чаще можно слышать апологию по случаю его предстоящей окончательной победы в мировом масштабе, тем не менее противоречия и издержки, присущие ему, никуда не исчезли. Более того, можно констатировать их дальнейшее и масштабное обострение, а потому неизбежно нарастание конфликтности в мире, чреватое серьезными потрясениями. Правомерность критики капиталистически-организованного производства и общества достаточно очевидна, и она — в самом мягком варианте — связана с признанием того, что капитализм — далеко не самое лучшее изобретение человечества. Пока мировому капитализму в качестве сильного конкурента противостоял мировой социализм, это заставляло его сдерживать свою экспансию, смягчая тем самым имманентно присущие ему противоречия. В ситуации, когда мировой капитализм остался один на один с глобальными проблемами, самосохранение современной цивилизации становится еще более актуальным и важным.

Это означает, что поиск альтернативных вариантов и моделей социально-экономического развития сохраняет свое значение, а исторический опыт хозяйствования подтверждает объективную необходимость сохранения (поддержания) многообразия в экономическом и общественном устройстве. Тем самым можно предположить, что и в будущем выявление и отработка альтернативных социально-экономических моделей найдут свое продолжение.

Осмысливая опыт хозяйствования, в частности причины неудачи социалистических экспериментов в XX в. и перспективы развития мирового экономического сообщества в будущем, полезно обратиться к антропологическому ответу на глобальные проблемы, стоящие перед человечеством. Речь идет о том, что такое антропологическое объяснение связано с тем, что их разрешение должно быть увязано не столько с изменением внешних условий — в рамках преобразований экономических и социально-политических систем, сколько с необходимостью преобразования самого человека. *Не революция «извне», а революция в самом человеке — вот путь, останавливающий катастрофическую линию в развитии современной цивилизации.*

О необходимости и направлении такой «антропологической революции», ведущей к экономическому и социально-политическому переустройству на основе преобразования человеческой природы и поведенческих моделей, можно найти немало подтверждений в самых разных источниках, прежде всего представленных в трудах христианских мыслителей прошлого и настоящего и в работах ученых социально-гуманистического направления. При некоторых разночтениях в трактовках тем не менее как одно, так и другое направление предлагают совпадающие решения.

Так, современный христианский теолог И.Б. Мец констатирует, что нынешний кризис выживания представляет собой в первую очередь проблему политическую и антропологическую. Он обусловлен тем, что «антропологическая модель человека как существа, одержимого жадной господства, имманентно присуща нашей европейской научно-технической цивилизации».²⁸ А потому выход из него видится им в «антропологической революции» как процессе создания новой субъективности. Он подчерки-

вает, что «речь идет не о нашем освобождении от бедности и нужды, а об избавлении от нашего богатства, от нашего явно избыточного благосостояния ...»²⁹ Такая революция представляет собой христианскую реакцию на кризис выживания, и это «есть наша попытка выработать новое, не начальственное и не эксплуататорское отношение к миру, с которым и в котором мы проживаем».³⁰

Созвучные идеи и оценки обнаруживаются и во взглядах представителей социально-гуманистического направления общественнознания. Ограничимся несколькими цитатами из работы итальянского ученого и общественного деятеля А. Печчеи, который также указывал на то, что суть проблемы находится в самом человеке. Он писал: «Истинная проблема человеческого вида на данной стадии его эволюции состоит в том, что он оказался неспособным в культурном отношении идти в ногу и полностью приспособиться к тем изменениям, которые он сам внес в этот мир. Поскольку проблема, возникшая на этой критической стадии его развития, находится внутри, а не вне человеческого существа, взятого как на индивидуальном, так и на коллективном уровне, то ее решение должно исходить прежде всего и главным образом изнутри его самого».³¹ В свою очередь, выдвигаемая им идея «человеческой революции» призвана «восстановить культурную гармонию человека, а через нее и равновесие и здоровье всей человеческой системы».³² Характерны и практические рекомендации А. Печчеи. Это повсеместное поддержание гарантированного минимального уровня жизни и одновременно установление «социального максимума», определяющего верхние пределы, за которыми потребление и расточительство становятся предосудительными, даже преступными, и должны наказываться и пресекаться.³³

Безусловно, такого рода оценки могут показаться нереализуемыми и просто утопическими проектами, тем более в настоящее время, когда в общественном сознании доминирует либеральная идеология. Однако то, что предлагается в качестве «антропологической революции», вполне реалистично с точки зрения преодоления самого кризиса дальнейшего существования современной цивилизации, и это уже немало. Как свидетельствует мировой опыт, сам по себе принцип обеспечения непрерывного экономического роста не означает такого же роста удовлетворенности людей жизнью во всех ее разнообразных проявлениях. Более того, достижение высокого уровня экономического развития и благосостояния не делает людей более счастливыми. В США, где реальный душевой доход вырос в XX в. в шесть раз, число самоубийств на душу населения осталось таким же, как и в период значительно меньшего процветания. На современном этапе ежегодно до 19 млн американцев поражает депрессия в разных ее формах.

Это означает, что надо переходить к использованию в качестве основных национальных индикаторов не показатели экономического роста, особенно в виде производства ВВП, а социальные показатели. Первым и важным шагом в этом направлении стало внедрение в практику международной статистики «индекса развития человеческого потенциала», включающего в себя индексы ВВП на душу населения, продолжительности жизни и образовательного уровня населения стран. Однако этим не следует ограничиваться. Важно и в дальнейшем расширить практику применения социальных индикаторов, ориентируясь на такие показатели, как рост удовлетворенности жизнью в целом и конкретными ее областями, сбалансированность работы и семейной жизни, обеспечение душевного и физического здоровья и т.п. В конечном счете достижение счастья, а не экономический рост должно стать разумной целью развития в будущем. Само же понятие «счастье» должно из абстрактного со временем превратиться в конкретный социально-экономический показатель.

В этой связи главной экономической проблемой становится обоснование возможности создания модели экономики, которая не основывалась бы на безграничности потребностей людей, т.е. «экономики ограниченных человеческих потребностей». На современном этапе в качестве ограниченных рассматриваются ресурсы, и это объективно сдерживающий предел возможности развития производства, который пока удастся преодолеть за счет повышения эффективности их использования благодаря научно-техническому прогрессу и вовлечения замещающих ресурсов, в том числе синтетических. Вместе с тем реальность дальнейшего усиления ресурсного перенапряжения не может не вызвать вопроса о целесообразности распространения самого принципа ограниченности и на сферу потребления человека. Если не растущие потребности людей, то что должно обеспечивать стимулирование производства? На этот непростой вопрос трудно найти ответ в рамках существующей системы хозяйствования и сложившихся традиций экономического поведения. Остается надеяться, что со временем удастся подойти к ответу на него, и тогда обращение к опыту далекого прошлого поможет успешно разрешить задачу создания нового стимулирующего механизма в экономике.

¹ См.: Беккер Г. Экономический взгляд на жизнь // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 5. Экономика. 1993. Вып. 3.

² Мизес Л. Человеческая деятельность. М., 2000.

³ Роббинс Л. Предмет экономической науки // THESIS. Теория и история экономических и социальных институтов и систем. 1993. Вып. 1. С. 18.

⁴ Козловски П. Принципы этической экономии. М., 1999. С. 16.

⁵ См.: Ульрих П. Критика экономизма. М., 2004. С. 12.

⁶ Там же. С. 19.

⁷ Подробнее о развитии взглядов на модель человека в экономической науке см.: Автономов В.С. Модель человека в экономической науке. М., 1997; Макашева Н.А. Этические основы экономической теории. М., 1993.

⁸ Необходимость создания универсальной науки о человеке и человечестве уже давно обосновывается многими учеными из разных стран, представляющими самые разные научные школы. Можно вспомнить русского философа Вл. Соловьева, который в конце XIX в. выдвигал «теософию» в качестве такой универсальной науки, выражающей цельность знания. Отметим, что в советский период развития в сфере обществознания также было немало сторонников создания комплексной (системной) науки, изучающей в единстве все стороны человека и его деятельности. Особо в этой связи выделим работы Б.Г. Ананьева (см.: Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. Л., 1968).

⁹ «Главное из преимуществ антропологии, — подчеркнул Э. Эванс-Причард, — заключается в том, что она дает ученому опыт непосредственного полевого наблюдения» (см.: Эванс-Причард Э. История антропологической мысли. М., 2003. С. 283).

¹⁰ Салинз М. Экономика каменного века. М., 2000. С.19.

¹¹ Здесь и далее данные по экономике архаичных сообществ см.: Там же. С. 30–38.

¹² В этой связи приведем такой примечательный факт. В настоящее время мировое производство продовольствия способно удовлетворить потребность в нем на 110%, тем не менее ежегодно от голода в мире продолжают умирать 30 млн человек и постоянно недоедают 800 млн (см.: Глобализация и мировое экономическое неравенство // Россия и современный мир. 2001. N 1. С. 210).

¹³ См.: Кара-Мурза С.Г. Наука и кризис цивилизации // Вопросы философии. 1990. N 9. С.11–12.

¹⁴ Как писал А. Смит, «склонность к обмену и была тем, что изначально породило разделение труда», а соответственно, появление излишка продукта и возможность обеспечения экономического прогресса (Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. Кн. I–III. М., 1993. С. 129).

¹⁵ Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. СПб., 2002. С. 67.

¹⁶ Салинз М. Указ. соч. С. 82.

¹⁷ О том, как произошло переподчинение социальных отношений, базирующихся на моральных нормах и обычаях, требованиям рыночной экономики см.: Поланьи К. Указ. соч. С. 82–91.

¹⁸ Мосс М. Общество, обмен, личность. Труды по социальной антропологии. М., 1996. С.103.

¹⁹ Малиновский Б. Избранное: Динамика культуры. М., 2004. С. 225.

²⁰ Шрадер Х. Экономическая антропология. СПб., 1999. С. 101.

²¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 174.

²² Малиновский Б. Указ. соч. С. 222.

²³ Салинз М. Указ. соч. С. 195.

²⁴ Мосс М. Указ. соч. С. 140.

²⁵ Там же.

²⁶ См.: Годельс М. Действительно ли социальная антропология неразрывно связана с Западом, где она зародилась? // Международный журнал социальных наук. 1995. N 10. С. 193.

²⁷ О необходимости расширения рамок предмета экономической антропологии пишет Х. Шрадер, который считает, что предметом экономической антропологии как раз и должно стать изучение не только доиндустриальных обществ, но и обществ современных — индустриальных и постиндустриальных (Шрадер Х. Экономическая антропология. С. 12).

²⁸ Мец И.Б. Будущее христианства. По ту сторону буржуазной религии // Вопросы философии. 1990. N 9. С.105.

²⁹ Там же. С.108.

³⁰ Там же. С.109.

³¹ Печчи А. Человеческие качества. М., 1980. С. 290.

³² Там же. С.182.

³³ Там же. С.187–188.

Статья поступила в редакцию 29 декабря 2005 г.